

DOI: 10.17805/zpu.2020.3.14

«Матриархат» и «патриархат» как два типа ментальности

К. В. Шумский

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Среди множества эволюционистских теорий методологически можно выделить два направления, декларирующих диаметрально противоположные взгляды. Представители первого направления полагают, что материи присущи самоорганизация и развитие. Другие, напротив, считают, что материи свойственен хаос, а эволюция есть результат вмешательства некоего внешнего регулятора в естественное положение вещей.

Эти два направления имеют мировоззренческие прототипы и соответствуют двум архетипам: первый — «матриархальному», второй — «патриархальному». Они проявляются в отправном моменте любого развития — рождении. «Мать» как рождающая субстанция всегда очевидна, «отец» — не всегда. В неочевидных случаях он является в основном предметом мышления и веры. Поэтому «матриархат» как мировоззрение базируется на эмпирическом восприятии мира, «патриархат» же утверждает главенство «неочевидного» над «очевидным».

Эти два архетипа прослеживаются в греческой мифологии. В хтонических мифах главное действующее лицо — «великая мать», которая все порождает. Мифы героической эпохи рассказывают о Зевсе, который, победив титанов, организовал из мирового хаоса олимпийский порядок. Мифы героической эпохи отражают ключевую роль мужчины в рождении детей, а в своем пределе подчеркивают важнейшее значение некоего условного «отца» в зарождении любого материального порядка.

Со своими «патриархальными» манифестами выступили греческая философия и христианство. Первая представила ряд умопостигаемых категорий, не поддающихся чувственному восприятию и управляющих материей. Второе выступило с формулой «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова», которая стала декларацией неочевидной истины: зачатие важнее рождения.

Реванш «матриархальной» ментальности наметился в эпоху Возрождения и продолжился в Новое время. Новоевропейская наука, вооружившись методом математического моделирования физических процессов, изгнала из своих рассуждений телеологизм, встав на путь позитивизма. Цель и смысл как организующие, условно «отцовские» начала больше не учитывались. Остались лишь причины — некие материальные факторы и закономерности, которые и организуют материю в те или иные комбинации. На фундаменте «матриархального» архетипа возникла современная научная картина мира, в которую не вписывается существование эмпирически не фиксируемой, умопостигаемой субстанции, управляющей материей. Не исключено, что новая научная революция произойдет именно в этом направлении, и мы узнаем, что у Вселенной есть не только «мать», но и «отец».

Ключевые слова: матриархат; патриархат; научная картина мира; позитивизм; хаос; самоорганизация; синергетика; эволюция; материя; метафизика; ипостась

ВВЕДЕНИЕ

При всем многообразии теорий, научных дисциплин и школ, занимающихся проблемами развития и эволюции, методологически можно выделить два основных направления, декларирующих диаметрально противоположные взгляды. Это концепция самоорганизации и концепция направленной эволюции. Главный водораздел — причины космической эволюции.

Представители первого направления полагают, что материи свойственно, т. е. внутренне присуще, развитие, а хаос рассматривается ими как начальная стадия всякого порядка. Развитие здесь — естественный, самопроизвольный процесс. Фундаментом этого направления является дарвинизм, возникший в середине XIX в. и разработавший биологические эволюционные механизмы. В XX в. эволюционизм самопроиз-

вольного типа стал проникать во все сферы естествознания. Во второй половине XX в. появляются междисциплинарные науки, претендующие уже на открытие некоего универсального механизма, при помощи которого осуществляется самоорганизация как в живой, так и неживой природе (Хакен, 1980; Пригожин, Стенгерс, 1986). Позже все они были объединены одним общим названием — синергетика. Сегодня «синергетика представляет собой самую современную теорию эволюции очень больших, сверхсложных систем. К ним относятся не только природные объекты, но также человеческое общество и плоды интеллектуальной деятельности людей» (Чернышов, 2002). Описание культурных и социальных систем составляет особую сферу интересов синергетики (Василькова, 1999).

Второе направление, напротив, считает, что материи как таковой свойственен хаос, а эволюция есть результат вмешательства в естественное положение вещей. И развитие рассматривается как преодоление присущего материи хаоса при помощи некоего внешнего регулятора или программы. То есть развитие здесь, по сути, есть процесс «сверхъестественный». Одним из основателей этого направления стал русский биофизик академик А. С. Берг, автор концепции номогенеза (Берг, 1977). В этом же направлении работал французский философ и антрополог Пьер Тейяр де Шарден (Шарден, 1987). Во второй половине XX в. в физике был сформулирован антропный принцип, а сама концепция направленной эволюции вышла на новый уровень (Линде, 1990; Попов, 2003; Владимиров, 2009). В это же время появляются кибернетика и теория информации, открывшие информацию в качестве субстанции, управляющей материей (Винер, 1958; Шеннон, 1963; Идальго, 2015).

Наша гипотеза состоит в том, что два этих магистральных направления имеют древние мировоззренческие прототипы, которые, в свою очередь, были сформированы тем или иным взглядом на тайну человеческого рождения. В то время как участие матери в деторождении никогда не подвергалось сомнению, участие отца не всегда являлось очевидным. Из этой коллизии рождаются два типа ментальности. Один полагает, что в акте рождения участвует только одна, условно «материнская» субстанция. Другой же настаивает на обязательном участии в этом процессе и принципиально иного, условно «отцовского» начала. Первый архетип мы назвали «матриархальным», второй — «патриархальным». Взятие этих терминов в кавычки подчеркивает их нетрадиционное применение — здесь они не относятся напрямую к социальной структуре. В данном контексте «матриархат» и «патриархат» — это именно мировоззренческие архетипы, парадигмы, дискурсы мышления в отношении феноменов рождения, развития и эволюции.

ТАИНСТВО РОЖДЕНИЯ

Всякое развитие имеет отправной, начальный момент. Это — рождение. Сначала что-то появляется, рождается, а затем уже оно начинает развиваться. То, что однажды не родилось, не может существовать и развиваться.

Ю. М. Лотман особо подчеркивает важность начала как основной границы: «Акт творения — создания — есть акт начала. Поэтому существует то, что имеет начало... Объяснить явление — значит указать на его происхождение... Основной вопрос — не “чем кончилось”, а “откуда повелось”» (Лотман, 1970: 260). И коль речь заходит о «рождении», то сразу встает вопрос о «родителях». Кто они? Какова их роль?

Среди перипетий человеческой истории существует один любопытный факт. Переход племен охотников и собирателей к земледелию и скотоводству неизменно совпа-

дает с изменением их социальной организации, а именно — сменой матриархата патриархатом. Внятно объяснить этот странный феномен так никому и не удалось. В основном толкуют о каких-то «производительных силах» и повышении роли мужчин в производстве (Энгельс, 1990). Без сомнения, это имело место, но речь идет о смене ментальности, а значит, на главную причину таких глобальных изменений эти процессы явно не тянут. Завесу этой тайны может приоткрыть сравнительно недавнее открытие этнографов.

Примерно около середины XX в. выяснилось, что примитивные племена охотников и собирателей, как правило, не видели связи между половым актом и рождением детей. На эту удивительную близорукость диких народов, в частности, в своих знаменитых работах указывают С. де Бовуар (Бовуар, 1997: 98) и Ю. Эвола (Эвола, 1996: 42). Об этом же подробно пишет известный британский антрополог Б. Малиновский: «...весь процесс введения новой жизни в сообщество лежит между миром духов и женским организмом. Там нет места для какого бы то ни было физического отцовства» (Малиновский, 2004: 591).

Человек — часть этого мира. И появление чего бы то ни было он всегда соизмеряет с собственным рождением. Дело в том, что охотники и собиратели сами не выращивают ни скот, ни плоды. Они их присваивают, не задаваясь вопросом об их происхождении. Здесь срабатывает «особого рода ментальность — ментальность охотников и собирательниц» (Артемова, 2009: 160). Эта особая ментальность реконструируется при переходе «от изучения охотничье-собирательского образа жизни к изучению охотничье-собирательского образа мысли» (там же).

Что фактически видят охотники и собиратели в процессе своей хозяйственной деятельности? Видят они то, что самки животных рожают детенышей, и никакой самец в самом акте рождения участия не принимает. Параллельно этому земля «рождает» ягоды, фрукты и грибы. Процесс зачатия и посева скрыт от глаз охотников и собирателей. Открытым, явным, а значит, единственно существующим является лишь рождение — собственно роды и всходы. В этой логике женщины для рождения детей, подобно земле и самкам животных, тоже ни в ком не нуждаются. Здесь «наблюдается самое настоящее отождествление женщины и земли; в них обеих путем различных превращений воспроизводится постоянство жизни — жизни, являющейся прежде всего способностью к порождению нового... земля — это женщина, а в женщине живет та же неведомая мощь, что и в земле» (Бовуар, 1997: 98–99). Для такого сознания рождение — это одноактный спектакль, в котором принимает участие только один актер — мать или земля. Отец в такой парадигме просто избыточен. А значит, и нет никакого отца. Существует только мать.

Сейчас мы знаем, откуда берутся дети. Именно *знаем*. Наши дикие предки *не знали*. Что они фактически *видели*? Беременность и роды. И вынашивает, и рождает ребенка мать. Это очевидно и является фундаментальным фактом. Вопрос: почему она рождает? В рамках очевидности участие отца в рождении детей никак не обнаруживается: «...туземцы верят в то, что девушка может оказаться с ребенком и не имея предварительных сексуальных контактов» (Малиновский, 2004: 593). А значит, ответ может быть только один: женщины рожают, потому что им внутренне свойственно рожать. Свойство у них такое — рожать детей. Когда женщина достигает определенного возраста и внутри нее созревают необходимые условия, происходит процесс самозарождения, и она рождает. И никто другой ей для этого не нужен. Все, что требуется, — это здоровый женский организм.

Самые любопытные, естественно, задаются вопросами, пытаюсь выяснить — а не было ли каких-то внешних причин для беременности? Что предшествовало родам? Оказывается, очень многое. За долгие месяцы до этого произошли тысячи событий. Женщина ходила за водой, мыла посуду, варила пищу, купалась в реке, собирала ягоды, кормила птичек, участвовала в играх и священных обрядах, болела, гуляла, спала, причем как наедине, так и рядом с другими людьми — мужчинами и женщинами. Какое из этих событий может быть связано с последующим рождением ребенка? Неизвестно. Потому что между всеми этими событиями нет видимой, непосредственной связи.

Правда, возникал вопрос: если дети появляются в результате самозарождения, то почему тогда женщины рожают не только женщин, но и мужчин? Зачем они нужны, если они не принимают участия в деторождении? Ответ в такой логике опять же очевиден: мужчин женщины рожают для выполнения определенных, специфических функций — как источник наслаждения, а также в качестве охранников и добытчиков всего необходимого. Ну и еще для выполнения роли естественного дефлоратора, так как «девственность технически препятствует оплодотворению посредством духа» (там же: 591). Но это нужно только один раз, ибо «после того, как это однажды проделано... мужчине и женщине нет необходимости сходитья вместе, чтобы произвести ребенка» (там же: 592). Подобное общество — это своего рода пчелиный улей. Есть матка, а есть трутни, обслуживающие матку и ее потомство. «Мужчина» — это вспомогательная функция, помогающая в решении основной, «женской» задачи. И что бы он ни делал, он делает это исключительно для женщины и ее потомства.

Но вот собиратели и охотники становятся земледельцами и скотоводами. И в какой-то момент они выясняют, что землю мало просто удобрять и поливать. В нее еще надо бросать семена. А скот, оказывается, не размножается сам собой, его надо спаривать. Постепенно в сознании проявляется та самая неочевидная связь между бросанием семечки в землю и рождением плодов, между спариванием и приплодом, между половым актом и рождением детей.

Становится ясно: для рождения недостаточно одного материнского начала. У рождения не одно, а два действия. Первое действие — неочевидное, тихое, скрытое, происходящее за закрытыми дверями, — половой акт. И здесь два действующих лица — отец, закладывающий семя, и мать, это семя воспринимающая. Второе же действие — собственно сами роды — осуществляет уже только мать, без участия отца, и именно это действие очевидно всем. Сам ребенок своим криком оповещает окружающих о своем рождении.

Здесь впервые на авансцену выходит отец как участник деторождения. Но какова его роль? Первичная или вторичная? Основная или вспомогательная? Чем он является — концом явления или его фундаментальным началом? Сперва принимается самая простая и, опять же, очевидная версия: мать предоставляет некую «заготовку», т. е. весь необходимый набор элементов, из которого должен появиться будущий ребенок. Отцу остается добавить одну маленькую деталь — некий недостающий пазл. Здесь человеческое сознание еще находится в плену у очевидности. Главная роль по-прежнему принадлежит матери. Участие отца уже признается, но его роль — второстепенная.

Однако новоиспеченному аграрию не дает покоя один неоспоримый сельскохозяйственный факт: если закладывается пшеничное зерно — рождается пшеница, закладывается горчичное семя — рождается горчица. То есть во втором, очевидном акте появляется именно то, что закладывается в первом, неочевидном. Семя выступает

как первичное, активное начало, которое диктует земле свою программу, и земля, подчиняясь, обслуживает интересы семени, предоставляя ему все необходимое. То есть первый, скрытый, акт определяет то, что когда-нибудь в будущем совершится во втором, очевидном, акте.

После того как приходит осознание первенства «отцовского» начала, главным и, по сути, единственным вопросом рождения становится вопрос об отце. Потому как вопрос о матери вопросом никогда и не являлся в силу очевидного ответа. Ведь то, что «эта тетя» является мамой ребенка — это всем очевидно, так как она его родила. А вот то, что «этот дядя» — его папа, это без современных научных методов доказать невозможно. В те времена об этом можно было только думать и в это можно было только верить. Это неизбежно рождает культуру сексуального поведения. С этого момента начинается процесс регулирования сексуальных отношений. Появляется система табу, исчезает промискуитет. Ведь теперь важно было понять, кто заложил то семя, которое «организовало ребенка».

Этот мировоззренческий переворот и переход центральной роли от очевидного к неочевидному глобален и касается всех сфер, в том числе религии. А. Ф. Лосев, в частности, связывает повышение роли отца с переходом от фетишизма к анимизму, когда вместо обожествления самого идола, который очевиден, обожествляться начинает дух идола, который сидит как бы внутри него и который неочевиден (Лосев, 1996: 19). Здесь уже доминирует не чувственное восприятие, а мышление и вера, ставящее неочевидное выше очевидного. Почитается уже не сама вещь, идол в своей видимой материальности, а тот дух, демон, который невидим, но внутренне присущ этой вещи. Да, он невидим, но его можно мыслить, в него можно верить. И он первичен по отношению к собственной материальной оболочке.

Конечно, было бы упрощением приписывать абсолютно всем охотникам и собирателям исключительно один взгляд, а всем земледельцам и скотоводам — другой. Речь скорее идет о двух мировоззренческих моделях — «ментальности охотников и собирателей» и «ментальности земледельцев и скотоводов». Подобно тому как у Макса Вебера шла речь не о конкретных католиках и протестантах, а о двух видах ментальности — католической и протестантской (Вебер, 1990). В нашем случае тот или иной взгляд на человеческое рождение переносится на весь окружающий мир и становится особым мировоззрением, архетипом, ментальностью — «матриархатом» или «патриархатом».

Первый базируется на чувственном, эмпирическом восприятии мира, на том, что можно непосредственно запечатлеть. «Матриархат» как мировоззрение — это убеждение в самозарождении жизни и всего вокруг. Все логично: человек самозарождается в лоне матери, растения самозарождаются внутри земли, и все в мире тоже самозарождается. Есть только одна субстанция — «материнская», или еще шире — материя. Ей внутренне присуще развитие. Материя сама по себе, без посторонней помощи, без внешних вторжений рождает различные явления. Она и порождает все разнообразие мира, в том числе некое специфическое «мужское» начало. И весь материальный мир организовывается и развивается сам по себе. При «матриархальном» взгляде на мир рождение и развитие — это естественный, самопроизвольный процесс. Здесь нет никакой энтропии. Здесь все хорошо. А хаос — это просто некая первоначальная фаза развития.

Этому взгляду противостоит «патриархальная» ментальность, носители которой уверены, что главным в любом развитии является не то, что можно увидеть, а то, что

можно мыслить и во что можно верить. Здесь над очевидностью главенствует неочевидное — мышление и вера.

Как бы то ни было, но именно с победы «патриархальной» ментальности стартует развитие человеческого общества и дикость эволюционирует в цивилизацию. Некоторые современные исследователи даже символически связывают эти две модели сознания с библейской историей Исава и Иакова (Артемова, 2009). Исава, как охотник и собиратель, являлся носителем старой ментальности. И он проиграл свое первородство земледельцу и скотоводу Иакову — носителю новой, более прогрессивной ментальности. В итоге магистральная ветвь цивилизации («богоизбранный народ») пошла по «патриархальному» пути.

*«МАТРИАРХАТ» И «ПАТРИАРХАТ»
В ГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ*

Эта смена парадигм отчетливо просматривается в греческой мифологии. «Матриархальная» ментальность греков запечатлена в хтонических мифах. Их центральной фигурой является некая глобальная «великая мать» или «матерь богов», внутри которой происходят процессы самозарождения (Лосев, 1996:78). Великая мать — это некий колоссальный сгусток энергии, мировой хаос, который сам из себя естественным образом порождает титанов.

На определенном этапе греческая ментальность меняется и хтонические мифы сменяются героическими. Так, один из титанов по имени Зевс, находясь в изгнании на Крите, теряет там свой пупок. Этим символическим жестом он порывает с породившими его хтоническими энергиями, показывая тем самым, что он не рожден «великой матерью». Он не «титан», он «герой». Он не снизу, он сверху. Потеряв свой пупок, а с ним и связь с прошлым, Зевс бросает вызов титанам, побеждает их и организует мировой хаос. И вот из бывшего хаоса рождается прекрасный Космос, известный всем нам по греческой олимпийской религии: «Теперь, и только теперь природа получает у греков то умиротворение и ту поэтизацию, которыми они прославились на все последующие века вплоть до настоящего времени» (там же: 88–89).

Миф, как известно, не выдумка и не сказка. Это образно-символическое описание реальности. И данная история, на наш взгляд, есть прямая аналогия того, как складываются половозрастные отношения у людей. По сути, Зевс поступает как обычный подросток — тот приходит с мамой в кино, но делает вид, что он не с мамой, а сам по себе. Ведь всякий подросток в период полового созревания мнит себя загадкой, «звездным мальчиком», сошедшим с неба для выполнения какой-то важной миссии.

Здесь в юноше проявляется некий вечный архетип, описанный в мифе о Зевсе. Да, каждый мальчик рожден женщиной, но приходит время, и он неизбежно превращается в мужчину. Теперь по закону жанра он должен «потерять свой пупок», т. е. связь с матерью. Движимый своей высшей, «звездной» миссией, юноша покидает родной дом и на чужбине окончательно превращается из «титана» в «героя». Теперь он должен вернуться обратно уже в новом качестве и выполнить свою миссию — победить «титанов» и организовать свой «олимпийский» порядок. Но он не может вернуться к матери. Вместо этого повзрослевший юноша находит подходящую девушку, женится на ней и вторгается в ее девственное пространство. Там, естественно, живут «титаны». Но они не могут самоорганизоваться, им надо дать смысл, цель, программу. «Титанами» надо овладеть и направить их энергию в нужное русло — на развитие. Женское пространство — это резервуар «титанической» неорганизованной энергии,

которое томится, желая стать матерью. Оно ждет своего «героя», чтобы дать ему все необходимое для выполнения его миссии. Когда происходит зачатие, этот океан бушующей энергии превращается в целостный организм. Женщина становится матерью, и ее внутренняя энергия организуется для развития плода.

Зачатие — это и есть соединение цели и программы «героя» с энергией «титанов». В этом соединении рождается новый человеческий порядок — эмбрион. С этого момента мать запрограммирована им, и вся ее «титаническая» внутренняя энергия подчинена одной цели — поддержанию и развитию этого порядка. Беременная женщина — это и есть прекрасно организованный «героем» космос.

Смена в греческой мифологии хтонической эпохи героической — не что иное, как отражение изменений, произошедших в мировоззрении греков. «Матриархальный» дискурс у них сменяется «патриархальным». Мифы героической эпохи не только отражают ключевую роль мужчины в рождении детей. В своем пределе они подчеркивают важнейшее значение некоего условного «отца» в зарождении любого материального порядка.

«ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ» СОЮЗ ХРИСТИАНСТВА И ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Очередным «патриархальным» манифестом стали ветхозаветная религия и выросшее из нее христианство с его формулой «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова» (Мф. 1; 2; Новый завет, 1979: 7). Отсутствие Сарры и Ревекки в этом манифесте — не есть принижение женской роли в воспроизводстве. Это скорее декларация неочевидной истины: зарождение (зачатие) важнее, чем рождение (роды). Именно потому, что зачатие есть подлинное начало человека. Роды — это уже выход человека в свет на определенной стадии его развития. И этот этап очевиден и наблюдаем всеми. То, что Сарра и Ревекка родили этих детей, это и так понятно, потому как очевидно. А вот то, что Авраам и Исаак положили им «начало», «зародили», это неочевидно и требует декларации.

Деву Марию христиане называют «Богородицей» по этой же причине. Христос, согласно христианскому учению, имел две природы: очевидную — человеческую, доставшуюся Ему от матери, и неочевидную — божественную, доставшуюся от Отца. То есть Дева Мария в лице Христа родила «и-человека-и-Бога» одновременно. Однако ее никогда не называли «человеко-бого-родицей», потому что рождение ею человека Иисуса и так было очевидным фактом. Термин «Богородица» подчеркивает важность неочевидного факта — рождение ею Бога — второй ипостаси Святой Троицы. Важно было знать, кто был Отцом Христа, потому как мать и так всем очевидна.

Греки, в свою очередь, продолжили развивать наметившуюся в героической мифологии «патриархальную» тенденцию. Но в отличие от древних иудеев и христиан они это сделали рационально, путем тончайших умозаключений. За долгие годы своего развития греческая философия представила целый ряд категорий, определяемых в той или иной степени как некое «отцовское» начало. «Архэ», «логос», «эйдос», «эпистема», «форма», «парадигма», «перводвигатель», «сущность», «квинтэссенция» (пятый элемент), «эфир» — все это умопостигаемые категории. Именно в греческой философии рождается мысль о тождестве бытия и мышления.

Впервые об этом заговорил Парменид, но главная заслуга в утверждении онтологического статуса мышления принадлежит Сократу. Он впервые выделяет сверхприродное, внекосмическое начало как некую умопостигаемую истину, которую «нельзя

отбросить, не запутавшись в противоречиях» (Доброхотов, 1986: 24–25). Это цель или смысл. Это начало не имеет материальных причин. Наоборот — оно первично по отношению к ним и само вызывает эти самые причины. И если причины можно эмпирически зафиксировать, так как они материальны, то цель, вызывающая их, невидима, ее можно только мыслить: «...знание смысла принципиально не достижимо методами физиологии, которая оперировала понятиями причины, необходимости и судьбы. Это особое, неотчуждаемое от своего носителя — человека — знание цели» (там же: 30–31). Цель, смысл имеет принципиально иную, нематериальную природу. Как активное, чисто «отцовское» начало, оно преобразует материю, запуская все материальные процессы. Утверждается новый «патриархальный» принцип — телеология.

Это прежде всего касается «микрокосма». Внешний, эмпирический, «очевидный» человек есть продукт, дитя двух субстанций. Разум, как некое надкосмическое начало человека, «оплодотворяет» его же космическую сущность и «рождает» эмпирического человека — индивида. Здесь впервые речь заходит о двучастности, двумерности человека. Сократ и рожденный им платонизм прозревают то, что впоследствии будет открыто христианством, — различие в человеке личности («ипостаси») и сущности («усии») (Лосский, 2003).

Говоря языком мифологии, разум — это «герой». Но путь этого «героя» принципиально отличен от пути Зевса. Зевс порожден ттоническими энергиями. Он изначально космичен. Зевс — «оборотень»: раньше он был «титаном», а потом превратился в «героя». Разум же (как и христианская «ипостась») не порожден Космосом, в нем вовсе нет «титанического» начала. Он никогда не был «титаном», он — принципиально «другой». Он пришел «сверху», из «надлунного» мира. Это «герой» подлинный, изначальный, врожденный, «герой» не «по заслугам», а «по происхождению». Это «мужчина», который не был рожден. У него нет «матери», а значит, и никогда не было «пупка», он — действительно «звездный мальчик».

Две «патриархальные» системы — античная и христианская — соединились и породили европейскую цивилизацию. Этот союз мышления и веры встал форпостом на пути «матриархальной» ментальности, отчаянно желавшей вернуть цивилизацию к чувственному восприятию мира. Здесь необходимо сделать ремарку. В обыденном сознании веру принято противопоставлять разуму и относить к чувствам и эмоциям. Однако вера предполагает нормативность. А всякая норма неочевидна, и есть предмет мышления. Главный объект веры — Бог — тоже неочевиден. Это то, что «глазами увидеть нельзя». Бог по определению не поддается чувственному восприятию. А условием соединения с Богом полагаются заповеди — опять же вещи неочевидные, умопостигаемые, принадлежащие скорее к категории долженствования, чем желания. Вера и разум — «патриархальные», «отцовские» начала и верные союзники в определении истины. Древние греки считали, что истину никогда нельзя увидеть, ее можно только мыслить. Христианство полагает, что истина познается верой. А вера, по апостолу Павлу, есть «уверенность в невидимом» (Евр. 11;1; Новый завет, 1979: 545).

«МАТРИАРХАЛЬНАЯ» РЕАКЦИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ

И МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКИ

Первым серьезным «матриархальным» реваншем стала эпоха Возрождения. Недаром ее главные деятели были названы «титанами». Действительно, в Ренессанс «титаны» восстали против «героев». Что они «возрождали»? Чувственное, «матриархальное» видение мира. В интеллектуальной области это обернулось изменением

содержания понятия «разум». Возрожденческий «разум» по факту оказывается «рассудком». И это спускает Ренессанс с интеллектуальных высот платонизма и ментально возвращает его к временам героической мифологии. Дело в том, что «разум» и «рассудок» — это два разных образа «героя». Если первый, открытый Сократом, «герой» не имеет рождения и обитает в «надлунном» мире, то второй имеет «подлунное», космическое происхождение и действует в стиле Зевса. Это «титан», рожденный хтоническими энергиями, и лишь потом ставший «героем». Само «знание» этих «героев» имеет различные источники и оказывается разного качества. Если у первого это непосредственная достоверность «надлунного» мира — «эпистема», то у второго — простая «подлунная» аналитическая способность — «дианоэа» (Гейзенберг, 1987: 319) — то, что Маркузе позже назовет «технологической рациональностью» (Маркузе, 2003). «Надлунный» мир («отец»), таким образом, вновь лишается онтологического статуса. Если он и существует, то это не более чем эманация, которую порождает этот, «подлунный» мир, т. е. «мать». Тем самым метафизика закрывается для человека, и он вновь становится «одномерным».

Поначалу этот дискурс не был основным «тоном» эпохи. Он скорее звучал как «обертон». И лишь постепенно, по мере накопления «матриархального» бэкграунда, он перешел в «доминанту», во многом определив западноевропейскую философскую, научную и культурную «тональность» последующих эпох.

Ярче всего «матриархальный» дискурс Возрождения проявился в его изобразительном искусстве. Оно, без сомнения, прекрасно. Но ренессансная живопись появляется не просто как «еще один жанр в искусстве», оно вытеснило и заменило собой икону. Западноевропейская иконопись умерла. Ее убила картина, которая заняла место иконы. Равноценна ли это замена? Ведь икона написана в обратной перспективе и изображает как раз неочевидное, невидимое, то, что можно только мыслить. В отличие от простой картины, на иконе и люди, и мир изображены не такими, какие они есть «на самом деле», т. е. в своем реальном, эмпирическом «существовании», а такими, какими они должны быть в идеале, т. е. в своей «сущности». Это мир без теней и горизонта. Изображенное на иконе — это предмет мышления и веры, а не чувственного восприятия. И для этого в иконописи были разработаны специальный язык и принципы изображения (Раушенбах, 1975; Успенский, 2007). При всей красоте ренессансной, прямоперспективной живописи этот жанр более низкий, чем иконопись, потому как «эстетически выверено» и «достоверно» изображает простую очевидность взамен неочевидных предметов мышления и веры. Последующие века развития ренессансной живописи — это бесконечный поиск новых форм и попытка как раз уйти от «поднадоевшей» очевидности и «приевшегося» реализма. Все кончилось Малевичем. Черный квадрат — это жирная точка, поставленная на реалистичной живописи. Началась эпоха «современного искусства». По замечанию академика Б. В. Раушенбаха, разработавшего теорию перспективы в живописи, современное искусство апеллирует уже не к разуму (как икона) и даже не к чувству (как картина), оно обращено к подсознанию, и «это явное движение от человека к обезьяне» (Раушенбах, 1986: 82).

Определенные позиции «патриархальный» тип мышления вернул лишь в эпоху Реформации. Это был период высочайшего религиозного напряжения, пришедший на смену Ренессансу с его религиозным индифферентизмом. И это же было время рождения науки. Новоевропейская наука рождается не «где-нибудь» и не «когда-нибудь», а именно в эпоху религиозных войн и расцвета инквизиции (Косарева, 1997).

Казалось, вера и мышление вновь соединились в союзе против вернувшейся «матриархальной» ментальности

Однако этот реванш оказался весьма кратковременным. Гравитация Возрождения оказалась слишком сильной, и по иронии судьбы именно новоевропейская наука стала могильщиком «патриархального» мировоззрения.

Это на первый взгляд выглядит парадоксом. Ведь начальным моментом рождения новоевропейской науки стал гелиоцентризм, в основе которого лежит сугубо «патриархальный» взгляд. То, что Земля вертится вокруг Солнца, — это неочевидно, и есть продукт мышления и веры, а не эмпирического восприятия. Коперниканство — чистой воды платонизм: он возник не в результате накопления фактов, а как интуитивное прозрение идей (Гейзенберг, 1987: 273). Кеплер говорил о врожденных архетипах, а в гелиоцентризме его убедили не эмпирические данные, которых к тому времени просто не было, а «мандала» — образ Троицы. Аристотелевскую идею квинтэссенции с новой силой продолжал развивать Парацельс. Декарт выдвинул гипотезу светоносного эфира, а также провозгласил основополагающей «субстанцию мыслящую». И все же наука пошла в другом направлении — позитивистском, «матриархальном».

Дело в том, что новоевропейская наука, отвергнув доминировавшую уже два тысячелетия физическую систему Аристотеля — Птолемея, вместе с ней отвергла и ее методологическую основу — телеологизм, который является базовым «отцовским» принципом. При этом, отчалив от аристотелевского берега, к платонизму наука Нового времени так и не пришла. Кажущийся платонизм коперниканства оказался «квазиплатонизмом». Подлинному платонизму, как и христианству, был свойственен «духовный гелиоцентризм» — вся человеческая сущность («усия») «вращалась» вокруг ее «духовного солнца» — личности («ипостаси»), разума, духа («Царство Божие внутри вас»). Это вполне согласовывалось с физическим геоцентризмом: Земля и живущий на ней человек есть центр мироздания (человек — «мера всех вещей», «микрокосм», «образ Божий», «венец творения»). Однако к тому времени уже произошла подмена «героя». И даже Декарт, не заметив эту фатальную рокировку, «приземляет» духовное «солнце» человека — личность («ипостась»), приписывая ей атрибуты сущности («усии»): «...в отличие от Платона, он включил в дух данные чувств, включил все, что мы знаем сегодня как содержание сознания; и то, что получилось, назвал “Я”» (Хоружий, 2010: 70). Совершенное «духовное» в европейском сознании теперь путается с несовершенным «душевным». И эта путаница имела неизбежное следствие: в культуре Нового времени постепенно наступает разочарование в человеке. Он не оправдал надежд. И тогда взор культуры обратился от «внутреннего неба» к физическому. В этой связи «духовный гелиоцентризм» переродился в физический (Косарева, 1997).

После того как Галилей заявил о том, что «книга природы написана на языке математики», аристотелизм с его телеологизмом был окончательно приговорен. Из научной картины мира постепенно были изгнаны цель и смысл — чисто «отцовские» начала. И «это отсечение целевой причины станет одной из ведущих установок новоевропейского канона познания» (Хоружий, 2010: 88). Наука перестает быть «эпистемой» и становится «дианойей», ограничивая область интересов исключительно «подлунным» миром. Теперь она исходит только из того, что поддается математическому исчислению: существует только то, что можно «посчитать». Посчитать можно параметры материи и энергии. Посчитать можно причины, так как они материально про-

являются. Но как посчитать смысл и цель? Никак. Они не фиксируются эмпирически и не обнаруживаются ни одним прибором. Их можно только мыслить, и в них можно только верить, как в «отца». А раз посчитать нельзя, значит, их и вовсе нет. Научное познание, стало быть, сводится к поиску математически исчисляемых величин, которые являются не «целью и смыслом», а «причинами», в различных сочетаниях приводящими к появлению того или иного феномена.

Вновь возрождается «матриархальная» идея самоорганизации материи, но уже на новом, научном уровне. В рамках этой парадигмы нет места «цели и смыслу». Материя просто движется, и задача ее научного исследования одна — выяснить «причины и закономерности» этого процесса. Конституцией Вселенной становится детерминизм. Мир теперь, как и в досократовские времена, фактически сводится к игре четырех «подлунных» элементов. Никакого пятого «надлунного» элемента (квинтэссенции), никакой организующей идеи, т. е. никакого «отца», здесь нет и быть не может.

Дарвинизм, синергетика и другие современные теории, исходящие из концепции самоорганизации материи, есть логичный результат развития науки в «матриархальной» парадигме. Все они утверждают, что материи внутренне свойственно развитие. Подобно греческой хтонической «великой матери», все необходимое, в том числе некое организующее, «героическое» начало, материя имеет в себе. Поэтому ни в каких принципиально иных, метафизических принципах она не нуждается. Собственно, кроме материи, ничего и нет. И все есть результат самозарождения. Все эти теории выстроены в современную научную картину мира, базирующуюся на «матриархальном» квазирелигиозном догмате — постулате о глобальном эволюционизме. Все, что противоречит этому догмату, объявляется ересью.

Однако постепенно появляются теории и научные дисциплины, подвергающие сомнению закономерность и неизбежность любого развития. Приходит осознание того, что эволюция — это не обыденность, не повсеместный «естественный» процесс, это очень длительная последовательность крайне редких, маловероятных событий. Первой выступила термодинамика, открывшая энтропию и предсказавшая тепловую смерть Вселенной. Уиллард Гиббс выдвинул гипотезу вероятностной Вселенной (Винер, 2003: 15). Современная космология предположила существование «темной энергии», управляющей Космосом, и «темной материи», из которой этот самый Космос строится. И это возвращает нас к гениальным интуициям Платона и Аристотеля о «мире идей» и «первой материи». Квантовая механика провозгласила принцип неопределенности и дуализм реальности. Вольфганг Паули заговорил о возврате к первообразам и врожденным архетипам (Гейзенберг, 1987: 284), а Вернер Гейзенберг — о развороте к платонизму (Гейзенберг, 1990: 354–355). Вообще, с развитием квантовой физики строгий детерминизм окончательно утратил монополию и перестал быть абсолютным принципом. Был подтвержден статистический, вероятностный характер порядка, что косвенно свидетельствует о наличии некоего неучтенного фактора. Еще одним вызовом для ментального «матриархата» стало появление кибернетики, которая заявила о существовании принципиально иного по отношению к материи вида реальности — информации. Отец кибернетики — Норберт Винер так прямо и говорит: «Информация есть информация, а не материя и не энергия» (Винер, 1958: 166). И именно эта самая информация материей и управляет (Идальго, 2015). Печалит одно — у этих теорий нет мировоззренческой точки опоры. И они вынуждены исходить из единственно имеющихся — «матриархальных» — предпосылок. Тут необходим новый коперниканский переворот, но уже в области философии.

На наш взгляд, существующие в современном виде наука и искусство — это лишь частные проявления более общего «матриархального» культурного тренда, который, упразднив метафизику, привел к постмодерну и кризису Западной цивилизации. Но это уже тема для другого исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, по отношению к рождению и развитию чего бы то ни было существуют два мировоззренческих архетипа, две разные ментальности, которые условно можно назвать «матриархальной» и «патриархальной». Ментальный «матриархат» всегда исходит из очевидного факта. «Очевидно» лишь то, кто «ребенка» рождает. Рождает всегда «мать» как некая совокупность материальных, математически исчисляемых элементов. Роль «отца» как организующего начала в той или иной степени всегда «неочевидна». И здесь «матриархат» предстает в двух вариантах — в жестком и мягком. В жестком варианте «отец» вообще не предполагается. И здесь безраздельно царствует «матриархальный» дискурс — все происходит само собой, без цели, смысла и какого-либо плана. «Патриархальная» тенденция проявляется лишь там, где становится возможным интеллектуальное и нравственное усилие, открывающее существование сферы «неочевидного». Здесь появляется понимание того, что не только у человеческого рождения, но и у любого эволюционного процесса всегда есть два уровня — «очевидный», тот, который можно эмпирически зафиксировать, и «неочевидный», скрытый, тайный, метафизический, тот, который можно только мыслить или в который можно только верить. И на каждом из этих уровней есть свое главное действующее лицо — условные «мать» и «отец». Проблема в том, что сам порядок и развитие эмпирически фиксируются, а начало, которое этот порядок могло гипотетически организовать, невозможно запеленговать даже в принципе. Его можно только мыслить и в него можно только верить. В рамках позитивизма это означает, что его попросту нет. «Матриархат» воспринимает порядок и развитие как нечто имманентное себе. Поэтому, не нуждаясь в гипотезе существования «отца», «матриархат» все время пытается выдать его из реальности или, в крайнем случае, оставить на правах «трутня». Несмотря на смелые предположения квантовой механики, кибернетики и теории информации, современная научная картина мира по-прежнему остается глубоко позитивистской. Возможно, виной всему — та самая «особая ментальность охотников и собирателей», которая имеет мощнейшую «матриархальную» инерцию, не позволяющую выйти за рамки существующей парадигмы. «Патриархальные» теории, гипотетически обнаружив «отца», еще не смеют заявить вслух о его реальном существовании. Ведь это будет означать то, что у мироздания есть цель, смысл и план развития. А это — страшная ересь с точки зрения позитивизма и глобального эволюционизма. Субстанция, которая, возможно, управляет материей, но которая доступна только мышлению, в современную научную картину мира не вписывается. Не исключено, что новая научная революция произойдет именно в этом направлении, и мы узнаем, что у Вселенной есть не только «мать», но и «отец».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемова, О. Ю. (2009) Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М. : Смысл. 560 с.
- Берг, Л. С. (1977) Труды по теории эволюции. Ленинград : Наука. 386 с.

- Бовуар, С. Де (1997) Второй пол. Т. 1 и 2 : пер. с франц. ; общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айвазовой, коммент. М. В. Аристовой. М. : Прогресс ; СПб. : Алетейя. 832 с.
- Василькова, В. В. (1999) Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб. : Лань. 480 с.
- Вебер, М. (1990) Избранные произведения : пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс. 880 с.
- Винер, Н. (1958) Кибернетика, или управление и связь в животном и машине : пер. с англ. ; предисл. Г. Н. Поварова. М. : Советское радио. 216 с.
- Винер, Н. (2003) Кибернетика и общество // Винер, Н. Творец и будущее : пер. с англ. М. : Издательство АСТ. 732 с. С. 7–224.
- Владимиров Ю. (2009) Метафизика. М. : Бином. Лаборатория знаний. 568 с.
- Гейзенберг, В. (1987) Шаги за горизонт : пер. с нем. ; сост. А. В. Ахутин ; общ. ред. и вступ. ст. Н. Ф. Овчинникова. М. : Прогресс. 368 с.
- Гейзенберг, В. (1990) Физика и философия. Часть и целое : пер. с нем. М. : Наука, Главная редакция физико-математической литературы. 400 с.
- Доброхотов, А. А. (1986) Категория бытия в классической западноевропейской философии. М. : Издательство МГУ. 250 с.
- Идальго, С. (2015) Как информация управляет миром / пер. М. А. Райтман. М. : Эксмо. 134 с.
- Косарева, Л. М. (1997) Коперниканская революция: социокультурные истоки // Косарева, Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М. : Институт психологии РАН. 360 с. С. 279–310.
- Линде, А. Д. (1990) Физика элементарных частиц и инфляционная космология. М. : Наука. 280 с.
- Лосев, А. Ф. (1996) Мифология греков и римлян. М. : Мысль. 975 с.
- Лосский, В. Н. (2003) Богословское понятие человеческой личности // Лосский, В. Н. Боговидение / пер. с фр. В. А. Рещиковой ; сост. и вступ. ст. А. С. Филоненко. М. : Издательство АСТ. 759 с. С. 645–657.
- Лотман, Ю. М. (1970) Структура художественного текста. М. : Искусство. 384 с.
- Малиновский, Б. (2004) Избранное: Динамика культуры : пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 959 с.
- Маркузе, Г. (2003) Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина ; сост. предисл. В. Ю. Кузнецова. М. : Издательство АСТ. 526 с.
- Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа (1979). М. : Издание Московской патриархии. 656 с.
- Попов, И. (2003) Концепции направленной эволюции (ортогенез) // В тени дарвинизма: Альтернативные теории эволюции в XX веке : сб. науч. трудов / под ред. Г. С. Левита и др. СПб. : Finedaypress. 248 с. С. 26–48.
- Пригожин, И., Стенгерс, И. (1986) Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / пер. с англ. Ю. А. Данилова ; общ. ред. и послесл. В. И. Аршинова и др. М. : Прогресс 432 с.
- Раушенбах, Б. В. (1975) Пространственные построения в древнерусской живописи. М. : Наука. 184 с.
- Раушенбах, Б. В. (1986) Некоторые психологические аспекты космонавтики и эстетики // Психологический журнал. Т. 7. №1. С. 70–83.
- Успенский, Л. А. (2007) Богословие иконы Православной Церкви. М. : Даръ. 480 с.
- Хакен, Г. (1980) Синергетика / пер. с англ. В. И. Емельянова ; под ред. (и с предисл.) Ю. Л. Климонтовича, С. М. Осовца. М. : Мир. 404 с.
- Хоружий, С. С. (2010) Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы. 688 с.
- Чернышов, Ю. (2002) Третье рождение синергетики // Наука и жизнь. №11. 144 с. С 2–4.
- Шарден, П. Т. Де (1987) Феномен человека / пер. с фр. Н. А. Садовского. М. : Наука. 240 с.

Шеннон, К. (1963) Работы по теории информации и кибернетике : пер. с англ. ; предисл. А. Н. Колмогорова ; под ред. Р. Л. Добрушина и О. Б. Лушанова. М. : Издательство иностранной литературы. 830 с.

Эвола, Ю. (1996) Метафизика пола / пер. с фр. В. И. Русинова. М. : Беловодье. 448 с.

Энгельс, Ф. (1990) Парная и моногамная семья // Семья: Книга для чтения : в 2 кн. / сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. М. : Политиздат. Кн. 1. 346 с. С. 222–235.

Дата поступления: 15.06.2020 г.

“MATRIARCHY” AND “PATRIARCHY” AS TWO ARCHETYPES OF THOUGHT

K.V. SHUMSKIY

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

Among many evolutionistic theories, one can methodologically distinguish two directions that declare diametrically opposite views. Representatives of the first direction believe that matter is inherent in self-organization and development. Others, on the contrary, believe that matter is characterized by chaos. And evolution is the result of the intervention of some external regulator in the natural state of things.

These two directions have worldview prototypes and correspond to two archetypes — “matriarchal” and “patriarchal”. They are manifested in the starting point of any development – birth. The “mother” as the giving birth substance is always obvious; the “father” is not. In unobvious cases it is generally the subject of thought and belief. Therefore, “matriarchy” as a worldview is based on an empirical perception of the world, while “patriarchy” asserts the primacy of the non-obvious over the obvious.

These two archetypes can be traced in Greek mythology. In chthonic myths, the main character is the Great mother, who creates everything. Myths of the heroic age tell tales of Zeus, who, after defeating the titans, organized the Olympic order out of the world’s chaos. Myths of the heroic age reflect the key role of men in the birth of children. And in their limit, they emphasize the crucial importance of a certain conditional “father» in the birth of any material order.

Other “patriarchal” proclamations were made by Greek philosophy and Christianity. The former presented a number of intelligible categories that do not lend themselves to sensory perception and control matter. The latter came up with the formula “Abraham begat Isaac, Isaac begat Jacob”, which became a declaration of an unobvious truth: conception is more important than birth.

The revenge of the “matriarchal” worldview emerged during the Renaissance and continued during the Modern period. New European science, armed with the method of mathematical modeling of physical processes, banished teleologism from its reasoning, taking the path of positivism. The purpose and meaning as organizing, conditionally “fatherly” beginnings were no longer taken into account. There were only causes left — certain material factors and patterns that organize matter into certain combinations. On the basis of the “matriarchal” archetype, a modern scientific picture of the world emerged, in which the existence of an empirically non-fixed, intelligible substance that controls matter does not fit. It is possible that a new scientific revolution will take place in this direction, and we will learn that the Universe has not only a “mother”, but also a “father”.

Keywords: matriarchy; patriarchy; scientific picture of the world; positivism; chaos; self-organization; synergetics; evolution; matter; metaphysics; hypostasis

REFERENCES

Artemova, O. Yu. (2009) *KolenoIsava: Obotniki, sobirатели, rybolovy (opyt izuchenija al'ternativnyh social'nyh sistem)*. Moscow, Smysl. 560 p. (In Russ.).

Berg, L. S. (1977) *Trudy po teorii jevoljucii*. Leningrad, Nauka. 386 p. (In Russ.).

Beauvoir, S. De. (1997) *Vtoroj pol*. Vol. 1 and 2 / transl. from French; ed. and introductory article by S. G. Aivazova; comm. by M. V. Aristova. Moscow, Progress; St. Petersburg, Aleteia. 832 p. (In Russ.).

- Vasilkova, V. V. (1999) *Porjadok i baos v razvitii social'nyh sistem: Sinergetika i teorija social'noj samoorganizacii*. St. Petersburg, Lan'. 480 p. (In Russ.).
- Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedenija* / transl. from German; comp., ed. and afterword by Yu. N. Davydova; foreword by P. P. Gaidenko. Moscow: Progress. 880 p. (In Russ.).
- Wiener, N. (1958) *Kibernetika, ili upravlenie i svjaz' v zivotnom i mashine* / transl. from English; preface by G. N. Povarova. Moscow, Sovetskoe radio. 216 p. (In Russ.).
- Wiener, N. (2003) *Kibernetika i obshchestvo*. In: Wiener, N. *Tvorec ibudushbee* / transl. from English. Moscow, AST. 732 p. Pp. 7–224. (In Russ.).
- Vladimirov, Yu. (2009) *Metafizika*. 2nd ed. Moscow, Binom. Knowledge lab. 568 p. (In Russ.).
- Heisenberg, V. (1987) *Sbazi za gorizont* / transl. from German and comp. by A. V. Akhutin; ed. and introductory article by N. F. Ovchinnikov. Moscow, Progress. 368 p. (In Russ.).
- Heisenberg, V. (1990) *Fizika i filosofija*. Chast' i celoe / transl. from German. Moscow, Nauka, Glavnaja redakcija fiziko-matematicheskoy literatury. 400 p. (In Russ.).
- Dobrohotov, A. L. (1986) *Kategorija bytija v klassicheskoj zapadnoevropejskoj filosofii*. Moscow, Moscow Univ. Publ. 250 p. (In Russ.).
- Hidalgo, S. (2015) *Kak informaciya upravlyaet mirom* / transl. by M. A. Reitman. Moscow, Eksmo. 134 p. (In Russ.).
- Kosareva, L. M. (1997) *Kopernikanskaja revoljucija: sociokul'turnye istoki*. In: Kosareva L. M. *Rozhdenie nauki Novogo vremeni iz duba kul'tury*. Moscow, Institut psichologii RAN. 360 p. Pp. 279–310. (In Russ.).
- Linde, A. D. (1990) *Fizika jelementarnyh chastic i infljacionnaja kosmologija*. Moscow, Nauka. 280 p. (In Russ.).
- Losev, A. F. (1996) *Mifologija grekov i rimljan*. Moscow, Misl'. 975 p. (In Russ.).
- Lossky, V. N. (2003) *Bogoslovskoe ponjati eche lovecheskoj lichnosti*. In: Lossky, V. N. *Bogovidenie* / transl. from French by V. A. Reschikova; comp. and introductory article by A. S. Filonenko. Moscow: Publishing house AST. 759 p. Pp. 645–657. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1970) *Struktura hudozhestvennogo teksta*. Moscow, Iskusstvo. 384 p. (In Russ.).
- Malinovsky, B. (2004) *Izbrannoe: Dinamika kul'tury* / transl. from English. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEN). 959 p. (In Russ.).
- Marcuse, G. (2003) *Jeros i civilizacija. Odnomernyj chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshestva* / transl. from English, afterword, note by A. A. Yudin; comp., preface by V. Yu. Kuznetsov. Moscow: AST. 526 p. (In Russ.).
- Novyj Zavet Gospoda nashego Iisusa Hrista* (1979). Moscow: Moscow Patriarchate Publ. 656 p. (In Russ.).
- Popov, I. (2003) *Koncepcii napravlennoj jevoljucii (ortogenez)*. In: *V teni darvinizma: Al'ternativnye teorii jevoljucii v XX veke: Sbornik nauchnyh trudov* / ed. by G. S. Levit et al. St.-Petersburg, Fineday press. 248 p. Pp. 26–48. (In Russ.).
- Prigogine, I. and Stengers, I. (1986) *Poryadok iz haosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoy* / transl. from English by Yu. A. Danilov; ed. and afterword by V. I. Arshinov et al. Moscow, Progress. 432 p. (In Russ.).
- Rauschenbach, B. V. (1975) *Prostranstvennye postroenija v drevnerusskoj zhivopisi*. Moscow, Nauka. 184 p. (In Russ.).
- Rauschenbach, B. V. (1986) *Nekotorye psihologicheskie aspekty kosmonavtiki i jestetiki. Psihologicheskij zhurnal*, vol. 7, no. 1, pp. 70–83. (In Russ.).
- Uspensky, L. A. (2007) *Bogoslovie ikony Pravoslavnoj Cerkvi*. Moscow, DAR. 480 p. (In Russ.).
- Haken, H. (1980) *Synergetics* / transl. from English by V. I. Yemelyanov; ed. and preface by Yu. L. Klimontovich and S. M. Osovets. Moscow, Mir. 404 p. (In Russ.).
- Horuzhiy, S. S. (2010) *Fonar' Diogena. Kriticheskaja retrospektiva evropejskoj antropologii*. Moscow, Institut filosofii, teologii istorii sv. Fomy. 688 p. (In Russ.).
- Chernyshov, Yu. (2002) *Tret'e rozhdenie sinergetiki. Nauka i bizn'*, no. 11, 144 p., pp. 2–4. (In Russ.).

Chardin, P. T. De (1987) *Fenomen cheloveka* / transl. from French by N. A. Sadovsky. Moscow, Nauka. 240 p. (In Russ.).

Shannon, K. (1963) *Raboty po teorii informacii i kibernetike* / transl. from English, preface by A. N. Kolmogorov; ed. by R. L. Dobrushin and O. B. Lupanov. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoj literatury. 830 p. (In Russ.).

Evola, J. (1996) *Metafizika pola* / transl. from French by V. I. Rusinov. Moscow, Belovodye. 448 p. (In Russ.).

Engels, F. (1990) *Parnaja i monogamnaja sem'ja*. In: *Sem'ja: Kniga dlja chtenija*. In 2 books. B. 1 / comp. by I. S. Andreeva and A. V. Gulyga. Moscow, Politizdat. 346 p. Pp. 222–235. (In Russ.).

Submission date: 15.06.2020.

Шумский Константин Владимирович— кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-55-11. Эл. адрес: konstantin_art@inbox.ru

Shumskiy Konstantin Vladimirovich, Candidate of History, Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology and Culturology Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374/55/11. E-mail: konstantin_art@inbox.ru